

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-2-rossinskiy

СУЩНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена феномену исследования доказательств как одному из непреложных компонентов деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. Актуальность статьи обусловлена: 1) отсутствием должного научного интереса к сущности исследования доказательств, его роли и предназначению в общем механизме уголовно-процессуального доказывания, разграничению с другими компонентами работы с доказательствами; 2) неразрешенностью множества связанных с ним доктринальных вопросов; 3) шероховатостями в нормативном регулировании соответствующих правоотношений, приводящими к затруднениям в правоприменительной практике.

Слабое внимание к феномену исследования доказательств увязывается с доминированием кибернетической (информационной) концепции доказывания, предполагающей хорошую методологическую основу для собирания, проверки, оценки доказательств и одновременно недостаточную проработанность других, плохо сочетаемых с кибернетикой компонентов доказывания. В этой связи высказывается предположение о способности разработчиков проекта Уголовно-процессуального кодекса РФ лишь к самому примитивному, буквальному пониманию кибернетической концепции, предопределившему догматичность использования ее положений, в том числе произвольный отказ от включения в сферу законодательного регулирования не до конца осознанных и уясненных деталей.

Для понимания подлинной роли исследования доказательств как одного из компонентов доказывания проводится его сравнение с другим компонентом — собиранием доказательств. В этой связи утверждается, что подлинно познавательные приемы, состоящие не в сертификации информационных активов, а в вос-

приятии, анализировании, изучении полезных для нужд доказывания сведений, свойственны не столько их собиранию, сколько их исследованию. Одновременно обращается внимание, что в реальной практической деятельности исследовательские приемы нередко предрасположены к настолько сильному слиянию с процессуально-созидательными приемами по собиранию соответствующих доказательств, что их разграничение является достаточно сложной задачей.

Кроме того, выявляются причины, предопределившие очевидность исследования доказательств для судебного разбирательства и неочевидность — для досудебного производства. Они связываются с предрасположенностью судебно-исследовательских приемов к выявлению и пониманию лицами, глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания.

В результате формулируется позиция об исследовании доказательств как о свойственном и досудебному, и судебному производству автономном компоненте работы субъектов доказывания. Под ним предлагается понимать совокупность предполагающих различную степень формализации познавательных приемов, обеспечивающих удовлетворение когнитивных потребностей властных и невластных субъектов уголовно-процессуального доказывания в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих собиранию информационных активов и способствующих их проверке, оценке на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивному использованию в качестве средств доказывания.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; исследование доказательств; оглашение доказательств; проверка доказательств; следственные действия; собирание доказательств; уголовно-процессуальное познание

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences

10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN code: 8295-9884

ESSENCE OF EVIDENCE MONITORING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of evidence monitoring, which is one of the essential components of the work of preliminary investigation bodies, the prosecutor's office, the court, and other participants in criminal proceedings, aimed at establishing circumstances important for a criminal case and arguing for the relevant law enforcement acts. The relevance of the article is due to the following: 1) the lack of significant scientific interest in the essence of evidence moni-

toring, its role and purpose in the general mechanism of criminal procedural proof, and its distinction from other components of work with evidence; 2) the impossibility of resolving many related doctrinal issues; 3) problems in the normative regulation of the relevant legal relations, which lead to difficulties in law enforcement practice.

Weak attention to the phenomenon of evidence monitoring is associated with the dominance of the cybernetic (information) concept of proof. This concept has a good methodological basis for the accumulation, verification, and evaluation of evidence, and at the same time, poor development of other components of proof, which do not combine well with cybernetics. In this regard, it is suggested that the authors of the draft Criminal Procedure Code of the Russian Federation were capable of only the most primitive, literal understanding of the cybernetic concept. This led to the straightforward use of its provisions, including the involuntary refusal to include in the sphere of legislative regulation details that were not fully realized and understood.

To understand the true role of evidence monitoring as one of the components of proof, it is compared with another component — the accumulation of evidence. In this regard, it is argued that truly cognitive techniques do not consist in the certification of information assets, but in the perception, analysis, and study of information useful for the needs of proof. They are characteristic not so much of the accumulation of evidence as of its monitoring. At the same time, attention is drawn to the fact that in real practical activity, monitoring techniques are often so strongly merged with procedural-creative techniques for the accumulation of relevant evidence that their distinction is a rather complex task.

In addition, the reasons that predetermine the obviousness of evidence monitoring for judicial proceedings and its non-obviousness for pre-trial proceedings are identified. They are associated with the predisposition of forensic research techniques to be identified and understood by persons who are not deeply immersed in the problems of criminal procedural proof.

As a result, a position is formulated on evidence monitoring as an autonomous component of the work of subjects of proof, characteristic of both pre-trial and judicial proceedings. Such monitoring should be understood as a set of cognitive techniques that imply varying degrees of formalization, ensuring the satisfaction of the cognitive needs of powerful and non-powerful subjects of criminal procedural proof in the proper perception, study and analysis of accumulated or subject to accumulation information assets, which facilitates their verification, assessment for relevance, admissibility, reliability, as well as productive use as means of proof.

Keywords: evidence; proving; evidence monitoring; disclosure of evidence; verification of evidence; investigative actions; accumulation of evidence; criminal procedural knowledge

1. Введение

Среди множества самых разнообразных вопросов, присущих феномену уголовной юстиции в целом и его отражению в динамично развивающихся институциональных основах национальной правовой

системы в частности, особой актуальностью традиционно отличались и продолжают отличаться проблемы и шероховатости теории, в определенном смысле даже методологии, законодательного регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания — специальной прикладной деятельности, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов¹. И в этом нет ничего удивительного — ввиду понятных причин доказывание заметно отличается от иных объектов уголовно-процессуального регулирования; особыми видятся и подходы к разрешению соответствующих проблем.

Ведь, с одной стороны, именно потребностью в доказывании обуславливается сложный, полистадийный, достаточно длительный, включающий множество субъектов и процедур порядок производства по любому, пусть даже самому «мелкому» и неприметному уголовному делу. Определенную взаимосвязь с данной потребностью можно усмотреть практически в каждом уголовно-процессуальном правоотношении. В противном случае — ввиду отказа от удовлетворения потребности в доказывании, вызванного, например, появлением у судей паранормальных способностей к изначальной осведомленности обо всех обстоятельствах и деталях случившегося, уголовный процесс свелся бы лишь к постановлению приговоров либо вынесению иных правоприменительных актов. В научных публикациях неоднократно заявлялось о тесном переплетении положений доказательственного права с предназначением, принципами, иными базовыми постулатами уголовного судопроизводства, об их отражении в полномочиях, правах и обязанностях субъектов соответствующих правоотношений², тогда как само доказывание сентиментально называлось «душой» уголовного процесса³.

С другой стороны, механизмы уголовно-процессуального доказывания изначальны предопределены имеющими «природное» происхождение, данными человечеству «свыше» и, кстати, во многом еще остающимися вне зоны естественно-научного понимания способностями к когниции и мыслительной деятельности, к восприятию и умственной

¹ Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий // Государство и право. 2024. № 10. С. 156–168.

² См.: Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 4; Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 5 и др.

³ См.: Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015. С. 12.

генерации различных сведений. Поэтому они (механизмы) плохо поддаются юридической формализации — явно не предрасположены к четкой правовой регламентации посредством «искусственных» (создаваемых самими людьми) положений уголовно-процессуального законодательства, зачастую основываемых на политических, социальных и прочих компромиссах. Таким образом, доктринальные, нормативные и даже прикладные подходы к доказыванию уже изначально обременены множеством пробелов и противоречий. А ввиду наблюдаемых в настоящее время правотворческих метаний, постоянно вносимых в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее — УПК РФ, Кодекс) изменений и дополнений эти пробелы и противоречия стали еще заметнее.

В частности, далеко не безупречной, не соответствующей «природным» (если кому-то из читателей угодно, божественным) закономерностям познания и логического мышления, поэтому не находящейся в подлинной гармонии с реалиями когнитивно-аргументационной деятельности субъектов уголовного судопроизводства видится предусмотренная ст. 85 УПК РФ структура уголовно-процессуального доказывания, сводящаяся к хорошо известной трехчленной формуле: «собираение доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств». В этой связи необходимо напомнить, что в публикациях автора настоящей статьи уже не первый год приводятся доводы в поддержку достаточно широкого, как бы универсального подхода к сущности доказывания. Под ним (доказыванием) предлагается понимать систему когнитивно-удостоверительных приемов и интеллектуально-логических операций, способствующих установлению значимых для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных актов⁴.

Исходя из подобного методологического подхода — он-то и представляется наиболее разумным, — недостатки легально закрепленной в ст. 85 УПК РФ структуры уголовно-процессуального доказывания начинают казаться достаточно очевидными. Возникает четкое осознание необходимости ее дополнения еще парой элементов: 1) исследованием доказательств и 2) использованием доказательств. И если в доктрине использование доказательств (обоснование выводов) уже неоднократно рассматривалось в качестве автономного компонента

⁴ См.: *Росинский С.Б.* Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // *Lex russica*. 2020. № 9 (166). С. 73; *он же.* Уголовно-процессуальное доказывание — совокупность познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // *Труды Академии управления МВД России*. 2023. № 1 (65). С. 22 и др.

доказывания — подобные взгляды можно встретить в публикациях крупных советских ученых-процессуалистов⁵, — то исследованию доказательств такая «честь» практически не оказывалась, если, конечно, не считать одного-двух фрагментарных и достаточно неопределенных тезисов о потребности в более конкретной нормативной регламентации данных вопросов⁶. Некоторому восполнению этих научных пробелов и посвящена настоящая статья.

2. Исследование доказательств vs кибернетическая концепция доказывания

На сегодняшний день, спустя почти четверть века с момента принятия Кодекса уже достаточно трудно уразуметь подлинные замыслы, побудившие авторов-разработчиков его проекта к «узакониванию» предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуры доказывания. Непонятными представляются как сама идея о легализации данной структуры, так и ее ограниченность именно тремя звеньями: сборанием, проверкой и оценкой доказательств. К слову, особое недоумение такие правотворческие шаги вызвали ввиду отсутствия подобной нормы в ранее действовавшем уголовно-процессуальном законодательстве советского периода.

В этой связи остается довольствоваться лишь возможностью выдвижения некоторых историко-правовых гипотез. Причем наиболее состоятельной видится версия, предполагающая негативное влияние так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания — совокупности широко известных доктринальных представлений о доказательствах и доказывании, со временем заслуживших официальное признание и использованных в качестве научного фундамента для современного доказательственного права, в первую очередь для положений, предусмотренных гл. 10–11 УПК РФ. Ведь, появившись в 1960-е гг., т.е. в самый разгар кибернетического «бума»⁷,

⁵ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань, 1976. С. 8; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 208; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 217 и др.

⁶ См., например: *Газетдинов Н.И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства. М., 2007. С. 367.

⁷ См.: *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 61.

на общем фоне поголовного интереса к вопросам накопления, хранения, преобразования и передачи различных данных, эта концепция явилась вполне ожидаемым итогом чересчур сильной увлеченности отдельных ученых-процессуалистов сугубо информационными аспектами доказывания, неременного стремления к внедрению трендовых на тот момент кибернетических разработок в дознавательскую, следственную, прокурорскую и судебную практику. А ее ядром, в какой-то степени даже «изюминкой» закономерно стало понимание доказательств как предрасположенных к перцепции и дальнейшей трансформации в мысленные образы полезных сведений (фрагментов информации!), пребывающих в неразрывном единстве со своими носителями и подлежащих передаче посредством различных информационных сигналов. Именно такой подход усматривается и в предусмотренной ч. 1 ст. 74 УПК РФ дефиниции доказательств, и в установленном в ч. 2 той же статьи перечне их видов (источников), и в других «доказательственных» положениях действующего уголовного-процессуального закона.

Однако, несмотря на внешнюю стройность и эстетичность, кибернетическая концепция оказалась не столь совершенной, какой, по всей вероятности, изначально виделась своему «отцу-основателю» В.Я. Дорохову и знаменитым приверженцам: Л.М. Карнеевой, А.А. Хмырову, С.А. Шейферу, другим известным ученым, — со временем в ее постулатах стали усматриваться и некоторые недостатки. А ее главный изъян был обнаружен в фактическом сведении всего доказывания лишь к информационному процессу⁸, т.е. к накоплению, верификации и рейтингованию неких информационных активов (читай: к собиранию, проверке и оценке доказательств), но почему-то без потребности в их исследовании (!) и дальнейшем использовании в качестве аргументационных ресурсов. Так, в известной «научной Библии» для апологетов кибернетической концепции доказывания — фундаментальном коллективном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» прямо говорится о включении в содержание этой деятельности только собирания и закрепления, проверки и оценки неких данных, необходимых для установления истины и решения задач уголовного судопроизводства⁹; схожие позиции присущи и многим другим кибернетически-ориентированным публи-

⁸ См.: Орлов Ю.К. Указ. соч. С. 62; Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 73.

⁹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 298.

кациям доказательственной направленности. Кстати, нетрудно заметить, что при подобном подходе само по себе пресловутое установление истины в содержание доказывания вроде бы как и ни включается.

Конечно, взгляды В.Я. Дорохова и его единомышленников не являлись такими уж наивными и примитивными, какими могут показаться на первый взгляд. Будучи крупнейшими специалистами в области уголовно-процессуального доказывания, они хорошо понимали (просто не могли не понимать!) потребности в исследовании доказательств и дальнейшем использовании в качестве логических, способствующих обоснованию правоприменительных актов. В частности, в их публикациях говорится о необходимости подтверждения и обоснования правильности навеянных доказательствами тезисов посредством фактов, доводов, аргументов — о подобной деятельности заявляется как о некоем доказывании в широком смысле¹⁰. Одновременно указывается на потребность в извлечении проистекающей из доказательств информации, т.е. в их исследовании — такие познавательные приемы расцениваются в качестве фрагментов собирания доказательств¹¹. Другими словами, изъяны и шероховатости кибернетической концепции надлежит усматривать не столько в категоричном отрицании ряда структурных элементов доказывания, сколько в их пускании «на самотек», в оставлении без должного внимания, в явном уклонении от выявления и осмысления их роли и значения в общем механизме работы с доказательствами.

По всей вероятности, в этом и кроется главная причина, приведшая к законодательной легализации трехчленной формулы доказывания, к ограниченности его структуры только собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Скорее всего, авторы-разработчики проекта Кодекса, увы, так и не достигнув надлежащего уровня эрудированности в вопросах теории и методологии доказывания, оказались способными лишь к самому примитивному, буквальному пониманию кибернетической концепции, предопределившему догматичность использования ее положений, в том числе произвольный отказ от включения в сферу законодательного регулирования не до конца осознанных и уясненных деталей. Тем более что многие привлеченные к работе над проектом УПК РФ функционеры и даже ученые ввиду известных конъюнктурных причин были сориентированы на активное внедрение в уголовный процесс англосаксонских трендов, в том

¹⁰ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 288.

¹¹ См.: там же. С. 300.

числе так называемого прагматичного подхода к доказыванию, предполагающего приоритет формы информационных активов над их содержанием. В этой связи достаточно много внимания вполне ожидаемо было уделено правилам допустимости доказательств, порядку их исключения из уголовного дела и т.д. Тогда как на должную проработку целого ряда других нюансов доказательственного права, в частности положений, касающихся исследования доказательств, видимо, просто не хватило ни времени, ни сил, ни желания.

К слову, в некоторых других постсоветских государствах эти вопросы были решены более разумно. Например, в соответствии со ст. 127 принятого чуть больше 10 лет назад Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан исследование доказательств прямо признается одним из компонентов доказывания. Правда, данную норму тоже нельзя признать идеальной — в ее содержании усматривается путаница между исследованием и проверкой доказательств.

3. Собираение доказательств и исследование доказательств — самостоятельные элементы структуры доказывания

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно говорилось об автономности исследования доказательств как одного из компонентов доказывания по уголовному делу. Исследование рассматривалось в качестве необходимого атрибута работы с доказательствами, существующего наряду (!) с их собиранием, проверкой и оценкой. А его предназначение связывалось с сугубо познавательной деятельностью дознавателей, следователей, прокуроров, судей, прочих субъектов уголовного-процессуального доказывания, с улавливанием ими поступающих информационных сигналов¹².

В чем-то схожие позиции ранее высказывались и учеными-криминалистами. Например, Р.С. Белкин соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть, т.е. считал его (исследование) разновидностью познавательной деятельности¹³. В.П. Василенко, признавая исследование одним из этапов работы с доказательствами, увязывал его с извлечением и осмыслением полезной для нужд доказы-

¹² См., например: *Россинский С.Б.* Собираение, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // *Российская юстиция.* 2017. № 5. С. 26.

¹³ См.: *Белкин Р.С.* Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. М., 1966. С. 48.

вания информации¹⁴. Близкие по смыслу суждения можно встретить и в других публикациях. Хотя существуют и несколько иные точки зрения, предполагающие попытки отождествления феномена исследования доказательств лишь с судебно-экспертной практикой, в первую очередь с экспертными исследованиями потенциальных вещественных доказательств¹⁵.

Конечно, идея об автономности исследования доказательств, о потребности в его признании отдельным, самостоятельным компонентом уголовно-процессуального доказывания, на первый взгляд, может показаться достаточно надуманной, не имеющей никакого смысла. Ведь установленная ст. 85 УПК РФ трезвенная структура вроде бы и так предполагает возможность улавливания субъектами-познавателями информационных сигналов, как бы «считывания» полезных сведений с объектов-носителей: преимущественно путем собирания доказательств, а иногда посредством их проверки, зачастую выполняемой с помощью сходных с собиранием когнитивно-удостоверительных приемов.

Вместе с тем такое впечатление является обманчивым. В результате обстоятельного и вдумчивого погружения в проблематику уголовно-процессуального доказывания в целом, детального изучения и анализа феноменов собирания и исследования доказательств в частности возникает убежденность в невозможности поглощения одним из них другого — существенные, в некотором смысле даже методологические различия между ними начинают представляться вполне очевидными. Становится ясно, что собиранием доказательств следует считать осуществляемую посредством различных процессуальных приемов практическую деятельность органов предварительного расследования, суда и судебных экспертов, состоящую в накоплении полезных для нужд доказывания предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию для обоснования приговоров (иных правоприменительных актов) информационные активы. Причем такие приемы могут быть связаны и с формированием доказательств, и с их приобщением к уголовному делу. Под формированием надлежит понимать осуществляемую посредством следственных и судебных действий, судебных экспертиз (читай, посредством юридической формы, юри-

¹⁴ См.: *Василенко В.П.* Исследование доказательств на предварительном следствии. М., 1978. С. 67.

¹⁵ См.: *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М., 1989. С. 83.

дического «ритуала»), процессуальную деятельность, направленную на возникновение новых информационных активов — различных видов показаний, заключений эксперта, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как приобщением доказательств следует считать несколько иной юридический «ритуал» — процедуру формального признания допустимыми средствами доказывания: вещественными доказательствами, алиасными (иными) документами заключениями специалиста — предметов и документов, первоначально появляющихся за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и лишь затем попадающих в распоряжение дознавателей, следователей, судей в состоянии фактической готовности к использованию по назначению.

Приступая к подготовке настоящей статьи, автор вовсе не намеревался заново излагать свою позицию по поводу дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания на формируемые и так называемые паратусные (собираемые посредством приобщения к уголовному делу), тем более не стремился к очередному раунду соответствующей полемики с оппонентами — этой материи посвящены многие другие публикации. Однако хотелось бы обратить внимание на один весьма важный нюанс — на вынужденное признание некогда допущенной ошибки. Так, ранее формирование доказательств казалось чем-то, предполагающим полную интеграцию улавливания («считывания») субъектами-познавателями полезных сведений с их накоплением посредством юридического преобразования в допустимые информационные активны, т.е. некое слияние «когнитивности» и «ритуальности» в абсолютно неразделимую, как бы монолитную общность. А приобщение доказательств к материалам дознавательского, следственного или судебного производства (в еще более ранних публикациях оно именовалось просто собиранием доказательств), наоборот, представлялось сугубо процедурно-накопительским приемом, тотальным воплощением «ритуальности», начисто лишенным какой-либо примеси «когнитивности».

Вместе с тем в итоге дальнейших изысканий и раздумий постепенно наступило уразумение некоторой несправедливости данной точки зрения — появилось осознание потребности в ее частичном пересмотре. Конечно, сами по себе следственные и судебные осмотры, допросы, эксперименты, другие предусмотренные Кодексом познавательно-направленные действия, в том числе судебные экспертизы, продолжают по-прежнему видеться имеющими достаточно сложную, интеграционную природу — позволяющими, с одной стороны, улав-

ливать («считывать») полезные сведения, а с другой — одновременно преобразовать их в юридически пригодные для нужд доказывания (допустимые) информационные активы. Однако подобное слияние «когнитивности» с «ритуальностью» больше не представляется главным отличием формирования доказательств от введения предметов и документов в досудебное или судебное производство в качестве паратусных средств доказывания. Напротив, возникла уверенность, что сама по себе «когнитивность» не присуща ни формированию доказательств, ни их приобщению к уголовному делу. Другими словами, собиранию доказательств как одному из легально определенных компонентов доказывания, как начальному элементу предусмотренной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулы никакие детерминированные гносеологическими закономерностями восприятия, изучения, анализа полезной информации познавательные приемы просто не свойственны!

И формирование доказательств, и приобщение в качестве таковых к уголовному делу различных предметов и документов — это не более чем разные способы юридической сертификации накапливаемых информационных активов, сопровождаемой их признанием пригодными к использованию, т.е. допустимыми средствами уголовно-процессуального доказывания. И следовательно, критерии для дифференциации таких способов надлежит усматривать не столько в наличии / отсутствии познавательных приемов, сколько в изначально различных воплощениях «осваиваемых» сведений: формирование ассоциировать с изначально «бесформенными», хаотично запечатленными в объективной реальности либо человеческой памяти фрагментами полезной для уголовного дела информации, лишь подлежащей превращению в показания, экспертные заключения или результаты (протоколы) следственных либо судебных действий посредством процессуально-созидательных действий уполномоченных субъектов, т.е. путем создания, «сотворения» новых продуктов, а приобщение увязывать с возникшими, в том числе созданными, вне уголовно-процессуальных правоотношений, т.е. уже существующих предметов или документов, нуждающихся в юридической легализации, осуществляемой посредством их формального признания паратусными доказательствами и введения в общую доказательственную массу, но не в качестве когнитивного сырья либо полуфабрикатов, а как находящихся в готовности к использованию изделий.

И в этой связи представляется, что подлинно познавательные приемы, состоящие не в сертификации информационных активов,

а в восприятии, анализировании, изучении самих полезных для нужд доказывания сведений, свойственны не столько собиранию, сколько другому необходимому компоненту работы с доказательствами — их исследованию. Именно оно — исследование, — будучи теснейшим образом связано и переплетено с собиранием доказательств, но все же являясь predisposed к признанию отдельным, автономным элементом структуры доказывания, сводится к вербальной либо невербальной перцепции «следов преступления» (следов в широком смысле — как любых материальных либо идеальных отражений объективной реальности), в извлечении из них подлежащих дальнейшему использованию сведений. Именно оно состоит в постижении и осмыслении дознавателями, следователями, прокурорами, защитниками, судьями, другими субъектами доказывания содержания накопленных (накапливаемых) либо только предполагаемых к накоплению информационных активов, в распознавании и должном усвоении их внешних и внутренних признаков, свойств и атрибутов. Именно результаты исследования доказательств во многом способствуют их проверке, надлежащей оценке, обеспечивают возможность их дальнейшего использования для установления подлежащих доказыванию обстоятельств, обоснования соответствующих правоприменительных актов либо правовых позиций сторон.

Другое дело, что в реальной практической деятельности сугубо познавательные (читай: исследовательские) приемы нередко predisposed к слиянию с одновременно осуществляемыми процессуально-созидательными приемами по накоплению (читай: собиранию) соответствующих доказательств в единые общности, предполагающие вышеупомянутую интеграцию «когнитивности» и «ритуальности». Причем особо высокой степенью смещения когнитивных улавливаний («считываний») субъектами-познавателями полезных сведений с их юридическими преобразованиями в пригодные к использованию в качестве средств доказывания информационные активы, несомненно, характеризуются следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы. В этой связи четкое практическое разграничение фрагментов собирания и исследования доказательств, их аккуратное «раскладывание по полочкам» является достаточно сложной задачей. И хотя теоретические критерии для такого разграничения представляются вполне понятными и очевидными, указанная задача, увы, оказалась не под силу подавляющему большинству специалистов. На сегодняшний день похвастаться внесением определенной лепты в ее разрешение, да и вообще распознаванием разницы между собиранием и исследованием до-

казательств могут очень немногие интересующиеся проблематикой доказывания и не обремененные стереотипами ученые¹⁶.

4. Исследование доказательств как неочевидный компонент досудебного доказывания и очевидный компонент судебного доказывания

Несмотря на достаточно пренебрежительное отношение авторов-разработчиков проекта Кодекса к феномену исследования доказательств, утверждать о полном законодательном забвении этого компонента доказывания все же не приходится — ему уделяется некоторое внимание в «судебных» нормах уголовно-процессуального права. Так, в ст. 240 УПК РФ устанавливается требование о непосредственности судебного исследования доказательств, а в ст. 274 УПК РФ — его порядок (очередность); в ст. 291 УПК РФ говорится об окончании судебного исследования доказательств, а в ст. 389¹³ УПК РФ — об «апелляционном» исследовании доказательств, не попавших в зону внимания суда первой инстанции. В ст. 246 УПК РФ предусматриваются возможности участия в судебном исследовании доказательств государственного (частного) обвинителя, а в ст. 249 УПК РФ — встречные полномочия защитника и т.д. Более того, исходя из смысла закона, именно ему (исследованию) уготована роль одного из базовых компонентов судебного доказывания. Тогда как судебному собиранию доказательств, по сути, придается лишь второстепенное значение — невзирая на множество нормативных «намеков» и «подсказок», о суде как о субъекте собирания доказательств прямо говорится только в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Конечно, согласиться с таким нормативным подходом достаточно сложно. Вместе с тем причины его возникновения вполне объяснимы — по всей видимости, феномен судебного исследования доказательств привлек внимание законодателя ввиду заметности для «невооруженного глаза», т.е. предрасположенности к выявлению, обнаружению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания «недоспециалистами». Ведь в судебных заседаниях зачастую возникает потребность не столько в получении новых, сколько в восприятии уже имеющихся, нако-

¹⁶ См.: *Жусипбекова А.М.* Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 21–22; *Конин В.В.* Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского Юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 188.

пленных ранее информационных активов, в первую очередь в изучении материалов, собранных органами дознания и предварительного следствия. Более того, будучи подчинено известным условиям реализации судебной власти: устности, гласности, обеспечению доступа к правосудию и др., — судебное исследование доказательств нуждается в достаточно четкой формализации, в связи с чем может осуществляться лишь посредством строго установленных законом приемов. Для решения подобных задач предусматриваются специальные, не характерные для досудебного производства процессуально-когнитивные действия: оглашения прежних показаний подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертных заключений, протоколов следственных действий, других письменных материалов, осмотры вещественных доказательств и т.д. Несвязанность данных процедур с собиранием доказательств, т.е. с накоплением предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в допустимые информационные активы, представляется более чем очевидной. И, таким образом, авторы-разработчики проекта Кодекса, по всей вероятности, просто не смогли не разглядеть надобности в нормативной регламентации приемов судебного исследования доказательств — оно слишком сильно бросалось и продолжает бросаться в глаза, слишком выделялось и продолжает выделяться на общем фоне механизмов доказывания. К слову, точно такие же ошибки присущи и многим научным публикациям, в которых феномен исследования доказательств связывается исключительно с судебными стадиями уголовного судопроизводства¹⁷.

Вместе с тем достаточно близкие по предназначению, направленные на решение схожих когнитивных задач, но присущие не судебному, а досудебному производству познавательные приемы оказались для авторов-разработчиков проекта Кодекса, равно как и для подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не столь очевидными. Они не привлекли к себе правотворческого внимания, в связи с чем не получили какого-либо нормативного отражения в положениях доказательственного права — исходя из смысла закона, должностным лицам органов предварительного расследования, а в некоторой степени и защитникам, и другим невластным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений стало предписано работать с доказательствами в четком соответствии с установленной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулой.

¹⁷ См., например: *Васяев А.А.* Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. М., 2016. С. 31.

В частности, пока что еще очень немногим специалистам, тем более «недоспециалистам», удавалось подметить, что надобность в исследовании предварительно собранных и уже находящихся в уголовном деле доказательств может быть свойственна не только механизмам судебного познания, что одними лишь «судебными» правоотношениями эти потребности не ограничены! Мало кому посчастливилось уразуметь характерность точно таких же, по крайней мере весьма схожих когнитивных задач для досудебного производства, осознать и осмыслить постоянно присущую работе дознавателей, следователей, а также их процессуальных «визави» необходимость восприятия, изучения, анализа ранее накопленных информационных активов. Кроме того, не были учтены познавательные приемы, состоящие в превентивном восприятии, изучении и анализировании дознавателями и следователями каких-либо предметов и документов еще до их признания пригодными к использованию паратусными доказательствами и приобщения к уголовному делу — именно в целях установления наличия либо отсутствия оснований для принятия таких решений.

Но тем не менее такие потребности — это вполне обыденные реалии правоприменительной практики; они возникают и, следовательно, нуждаются в удовлетворении по всем, по крайней мере, по подавляющему большинству находящихся в производстве органов предварительного расследования уголовных дел. Ведь любому дознавателю либо следователю приходится знакомиться с содержанием поступающих в его ведение экспертных заключений, алиусных (иных) документов, материалов оперативно-розыскной и административной деятельности, прочих информационных активов. Каждому из них надлежит изучать материалы (протоколы) осуществленных без его непосредственного участия следственных действий, в том числе «перешедшие по наследству» от ранее ведущих соответствующие дела дознавателей и следователей, сформированные коллегами в порядке исполнения «отдельных поручений» и т.д. Тогда как обвиняемым, защитникам, потерпевшим, другим невластным субъектам доказывания желательно в пределах своих правомочий знакомиться с накопленными информационными активами для уяснения перспектив дальнейшего производства по уголовному делу в целом и определения вектора своего поведения в частности. В противном случае ни проверить, ни оценить на предмет относимости, допустимости, достоверности, ни продуктивно использовать все эти материалы для нужд доказывания станет просто невозможным.

Правда, ввиду принципиально иных по сравнению с судебным разбирательством, полунквизиционных условий дознавательской и следственной деятельности — ее камеральности (кабинетности), относительной тайности, письменности, «следственной автократии» и т.п. — для удовлетворения всех указанных когнитивных потребностей какая-либо существенная формализация соответствующих познавательных приемов просто не нужна. Вряд ли кому-то может показаться разумными некие предусмотренные законом требования, вынуждающие дознавателя или следователя, уподобляясь суду, громко оглашать самому себе «в тиши кабинета» только что полученное экспертное заключение, материал, содержащий результаты оперативно-розыскной деятельности, или какой-либо иной документ. Поэтому такие потребности подлежат удовлетворению в необремененном особыми юридическими гарантиями, т.е. достаточно свободном режиме, обычно сводящемся к банальному прочтению либо просмотру соответствующих документов (к визуальному обследованию соответствующих предметов) в любое удобное время — как бы в перерывах между процессуальными действиями.

Вместе с тем существуют и некоторые исключения — предусмотренные законом и вовсе не предполагающие столь свободный процессуальный режим процедуры досудебного исследования доказательств обвиняемыми, защитниками, потерпевшими, другими правомочными субъектам, сводящиеся к их ознакомлению с материалами уголовных дел. Ввиду понятных причин данные механизмы не могут обойтись без некоторой формализации, без обременения рядом юридических гарантий, способствующих как обеспечению правовой защищенности указанных лиц, так и снижению рисков злоупотребления представленным им процессуальными возможностями. В этой связи «предсудебные» ознакомления со всеми материалами уголовных дел четко регламентируются ст. 216–218 УПК РФ, а «текущие» ознакомления с некоторыми документами, например с заключениями эксперта, осуществляются в режиме, предполагающем правовую преемственность по отношению к данным положениям закона.

5. Выводы

На основании всего изложенного напрашивается единственное умозаключение: исследование доказательств нельзя считать лишь одним, пусть даже самым продуктивным и распространенным из способов судебного познания, а сферу его использования ограничивать

только «судебными» правоотношениями. Исследование, напротив, нужно рассматривать в качестве свойственного как досудебному, так и судебному производству автономного компонента работы органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, других субъектов уголовного процесса с доказательствами — вполне достойного быть признанным полноценным элементом предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуры доказывания. Под ним (исследованием) надлежит понимать совокупность предполагающих различную степень формализации познавательных приемов, обеспечивающих удовлетворение когнитивных потребностей властных и невластных субъектов уголовно-процессуального доказывания в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих собиранию информационных активов и способствующих их проверке, оценке на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивному использованию в качестве средств доказывания.

В завершение настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на явную предрасположенность ряда высказанных идей и сделанных умозаключений к полемическим обсуждениям и дискуссиям, а то и вовсе к принципиальному непринятию некоторыми представителями научного сообщества. Исходя из почти четвертьвекового опыта научных изысканий, связанных с проблемами уголовно-процессуального доказывания, предугадать и спрогнозировать подобную реакцию коллег не так уж и сложно. И в этой связи остается лишь прибегнуть к упреждающему маневру — пояснить, что ввиду ограниченного объема статьи автору просто не удалось детально раскрыть все нуждающиеся в доктринальном осмыслении аспекты феномена исследования доказательств, в первую очередь высказать аргументированные позиции по ряду достаточно спорных вопросов. В частности, не были рассмотрены формы исследования доказательств; не получили должного освещения противоречия, детерминированные постоянно возникающими потребностями в исследовании «доказательств» до их юридического признания таковыми. Не представилась возможность должного анализа интеграционной природы следственных (судебных) действий и судебных экспертиз, предполагающей сочетание «когнитивности» с «ритуальностью» — восприятие каких-то сведений с их одновременным преобразованием в показания, экспертные заключения и результаты (протоколы) невербальных следственных действий. Не удостоились внимания и многие другие актуальные проблемы теории, нормативного регулирования и практики исследования доказательств как одного из компонентов уголовно-процессуального дока-

звания. К рассмотрению всех этих вопросов автор статьи намерен вернуться в самое ближайшее время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белкин Р.С.* Собрание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966.
- Василенко В.П.* Исследование доказательств на предварительном следствии. М.: Академия МВД СССР, 1978.
- Васяев А.А.* Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2016.
- Газетдинов Н.И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства. М.: Издательская группа «Юрист», 2007.
- Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.
- Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009.
- Жусипбекова А.М.* Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.
- Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960.
- Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995.
- Конин В.В.* Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник Орловского Юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191.
- Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009.
- Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальное доказывание — совокупность познавательно-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 16–24.
- Россинский С.Б.* Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex russica. Т. 73. 2020. № 9 (166). С. 63–76.
- Россинский С.Б.* Собрание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
- Савенков А.Н., Россинская Е.Р.* Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий // Государство и право. 2024. № 10. С. 156–168.
- Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. М.: Издательство Московского университета, 1989.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М.: Юридическая литература, 1973.

Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976.

Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015.

REFERENCES

Belkin, R.S. (1966). *Accumulation, Research and Evaluation of Evidence* [Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv]. Moscow: Nauka. (in Russ).

Vasilenko, V.P. (1978). *Research of Evidence during Preliminary Investigation* [Issledovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii]. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs Academy. (in Russ).

Vasyaev, A.A. (2016). *Theory of Evidence Research in Russian Criminal Procedure* [Teoriya issledovaniya dokazatel'stv v rossiiskom ugovolnom protsesse]. Moscow: Yurлит-inform. (in Russ).

Gazetdinov, N.I. (2007). *Implementation of the Principles of Criminal Procedure* [Realizatsiya printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva]. Moscow: Publishing Group «Jurist». (in Russ).

Gorskiy, G.F., Kokorev, L.D., Elkind, P.S. (1978). *Problems of Evidence in Soviet Criminal Procedure* [Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse]. Voronezh: Voronezh State University. (in Russ).

Dolya, E.A. (2009). *Formation of Evidence based on the Results of Operational-search Activities* [Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatelnosti]. Moscow: Prospect. (in Russ).

Zhusipbekova, A.M. (2022). Research of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case [Issledovanie dokazatel'stv kak element dokazyvaniya po ugovolnomu delu]. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii], 3, pp. 19–23 (in Russ).

Kaz, Ts. M. (1960). *Evidence in Soviet Criminal Proceedings* [Dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse]. Saratov: Publishing House of Saratov University. (in Russ).

Kokorev, L.D., Kuznetsov N.P. (1995). *Criminal Proceedings: Evidence and Proof* [Ugovolnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie]. Voronezh: Voronezh State University. (in Russ).

Konin, V.V. (2024). Research of Evidence in Criminal Proceedings: Controversial Issues [Issledovanie dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve: diskussionnye vopros]. *Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov* [Nauchnyi vestnik Orlovskogo Yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova], № 2 (99), pp. 185–191. (in Russ).

Orlov, Yu.K. (2009). *Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings* [Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse]. Moscow: Jurist. (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2023). Criminal Procedural Proof — a Set of Cognitive-certificatory Techniques and Argumentative-logical Operations [Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie — sovokupnost' poznavatel'no-udostoveritel'nykh priemov i argumentatsionnolozhicheskikh operatsii]. *Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii], 1 (65), pp. 16–24 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2020). Reflections on the Essence of Proof in Criminal Proceedings [Razmyshleniya o sushchnosti dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve]. *Lex russica*, 9 (166), pp. 63–76 (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2017). Accumulation, Formation and Study of Evidence in Criminal Proceedings: Problems of Delimitation [Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: problemy razgranicheniya]. *Russian Justice* [Rossiiskaya yustitsiya], 5, pp. 24–27 (in Russ).

Samygin, L.D. (1989). *Investigation of Crimes as a System of Activity* [Rassledovanie prestuplenii kak sistema deyatelnosti]. Moscow: Moscow University Publishing House. (in Russ).

Savenkov, A.N. and Rossinskaya, E.R. (2024). Aktual'nye napravleniya razvitiya obshchei teorii kriminalistiki skvoz' prizmu sovremennykh tekhnologii [Current directions of development of the general theory of forensic science through the prism of modern technologies]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 10, pp. 156–168. (in Russ).

Zhugin, N.V. ed. (1973). *Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure* [Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse] Moscow: Legal Literature. (in Russ).

Fatkullin, F.N. (1976). *General Problems of Procedural Proof* [Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya]. 2nd ed. Kazan: Kazan State University. (in Russ).

Sheifer, S.A. (2025). *Collection of Evidence in a Criminal Case: Problems of Legislation, Theory and Practice* [Sobiranie dokazatel'stv po ugovnomu delu: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki]. Moscow: Norma. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of legal sciences, professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Сущность исследования доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2025. Т. 20. № 2. С. 291–311. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-2-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2025). Essence of Evidence Monitoring in Criminal Proceedings. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 20(2), pp. 291–311. DOI: 10.35427/2073-4522-2025-20-2-rossinskiy